

Е.А.Зубков

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ВОРОВСКОГО ЗАКОНА

Номинация Воровской Закон обозначает как сообщество профессиональных преступников, так и их религиозно-правовой кодекс. В статье основное внимание посвящено исследованию территориальных особенностей Воровского Закона как семиотической системы дискурсного поведения. Нами была предложена модель для анализа уголовного дискурса на основе синтеза взглядов Л.Н.Гумилева, У.Эко и О.В.Лещака. На основе этой модели, мы анализируем код семиотической системы дискурсного поведения как наиболее полной формы опыта в профессиональной преступной деятельности. Этот код различными способами находит свое выражение в знаковой, языковой и речевой репрезентациях в русском уголовном дискурсе. Способы такого выражения в различных репрезентациях анализируются нами на оси комбинации (синтагматика) и оси выбора (парадигматика).

Ключевые слова: Воровской Закон, код, синтагма, парадигма, репрезентация

Мы рассматриваем Воровской Закон как дискретную антисистему. Термин антисистема обозначает как *системную целостность людей* [1], (т.е. Воровской Закон как сообщество профессиональных преступников), так и *способ объединения элементов в целое в процессе передачи информации* [2] (т.е. Воровской Закон как религиозно-правовой кодекс профессиональных преступников). Термин в концепции Л.Н.Гумилева нами употребляется в лингвистическом исследовании в связи с использованием методологии *степеней приближения* — последовательного анализа географической, культурологической, этнологической, политико-исторической, этнографической, биографической и филологической проблематик и методик исследования. Номинация *Воровской Закон* в настоящее время употребляется к рассматриваемой дискретной антисистеме на русскоязычном пространстве, но сто лет назад самоназыванием было *Закон*, еще раньше — *Золотая Рота*. В поисках формальных связей с точки зрения филологии мы не увидим системной информации (характеристик связей). Этой системной информацией является «негативное мироощущение» (как референтное пространство): синтез представлений о Старом римском праве до кодификации Юстиниана (Законы XII таблиц, Институции Гая, Салическая правда), Устной Традиции (с элементами Гемары и Каббалы), восточной ветви митраизма (Законы Ману и черный бон модифицированный тантраиной), Кодексе Хаммурапи и воззрениях иудео-христиан (есеев, мандеев, тибетских вариантов шиизма) [3].

Наличие ряда исключений в модели Л.Н.Гумилева мы нивелируем синтезом его взглядов со взглядами У.Эко и О.В.Лещака. **Воровской Закон** мы рассматриваем вслед за О.В.Лещаком **как семиотическую систему дискурсного поведения**. Такой подход предусматривает выход за пределы дихотомии языка-речи для анализа кода (как системной информации) и его знаковой, языковой, и речевой репрезентаций, в том числе конвенциональных в преступной среде жестовых и графических знаков, а также иных способов сокрытия передаваемой информации при «отталкивании от общего языкового ряда» (т.е. подразумевания, иносказания, намек средствами общего языка при передаче информации в профессиональной преступной деятельности [4]) на основе «взаимного воздействия текстов» (согласно взглядам В.И.Заики).

При исследовании уголовного дискурса, вслед за У.Эко [5], мы понимаем код как структуру, представленную в виде модели, которая выступает как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми. Такой код устанавливается при наличии набора известных символов, из которых участник коммуникации осуществляет выбор, комбинируя их согласно известным правилам. Согласно взглядам У.Эко, «формируется нечто вроде станового хребта будущего кода, представляемого в виде двух осей, вертикальной и горизонтальной, *парадигматической* и *синтагматической*. Парадигматическая ось представляет собой репертуар символов и правил их сочетаний, это *ось выбора*, синтагматическая ось — это *ось комбинации* символов, выстраивающихся во все более сложные синтагматические цепочки, собственно и являющиеся речью» [6]. Этот взгляд У.Эко был принят нами в качестве основополагающего при создании нашей модели анализа процесса коммуникации в уголовном дискурсе. Ряд структуралистских неточностей У.Эко (например отсутствие учета нелинейности в плане выражения и плане содержания) нами был устранен на основе синтеза его концепции со взглядами О.В.Лещака.

Ось комбинации содержит модельную информацию, касающуюся поведения в преступной деятельности и уголовном дискурсе. При соотношении с референтным пространством Воровского Закона (как набором ментальных моделей поведения) индивид получает из прецедентных текстов определенные мысли (системную информацию в преступной деятельности), но отнюдь не формулировки (актуальную информацию). Эти мысли (идеи) лишь формулируются средствами различных современных языков и с этих языков на другие языки переводятся. Говоря о легальных религиозно-правовых системах, составляющих Воровской Закон, мы должны учитывать, что они, в свою очередь, являются синтезом ряда более ранних религиозно-правовых источников. Кроме того, поиски «скрытого смысла» во взаимном воздействии упомянутых выше текстов

приводят к формированию нового референтного пространства на основе (с использованием) соответствующего ментального пространства и в результате этого как деформацию последнего [подробнее о взаимном воздействии текстов см.7]. При декодировании референтного пространства Воровского Закона создается интересный феномен, т.е. *синтагматически крайне усложненная ось комбинации знаков различных репрезентаций*, которая показана в упрощении ниже на рис. 1:

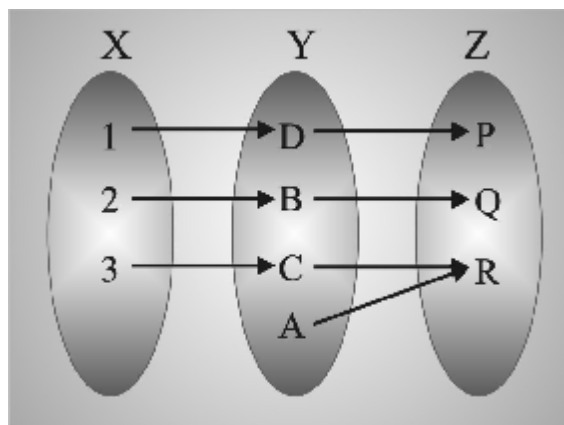

Рис. 1. Ось комбинации знаков различных репрезентаций в референтном пространстве Воровского Закона

Плоскость X обозначает легальные религиозно-правовые системы, функционирующие на разных языках, в том числе мертвых, где ряд текстов утерян, а по остальным ведется дискуссия. В плоскости Y подразумевается добавление A (множество с дополнительной структурой) — широко понимаемой Каббалы на основе принципа батина как поиска утраченного «сокровенного знания» с интерпретацией сведений источников на основе интенциональности сознания. Под источниками в плоскости Y понимаются различные тексты о религиозно-правовых системах из плоскости X, функционирующие на любом из доступных адепту дискретной антисистемы языков. В плоскости Z мы получаем совершенно иные величины и референтное пространство Воровского Закона. Из этого референтного пространства как семиотической системы моделей дискурсного поведения удаляются части (ментальные модели, выражаемые в стереотипах и алгоритмах поведения) упомянутых выше легальных религиозно-правовых систем.

Для наглядности примера мы должны разделить веру и разум. С точки зрения разума, т.е. обычной рефлексии, устраняются экзистенциальные несоответствия в отнесении себя одновременно к римлянам, брахманам, иудеям, салическим франкам, рахдонитам и т.д. Принимаются ментальные модели, позволяющие интерпретировать любое знаково-коммуникационное событие себе во благо. С точки зрения веры, проблема значительно сложнее: принятие принципов Каббалы (возможно переселение душ, назначение человека — совершенствование до уровня Божества, а помощь от бога — позорная подачка и т.д.) неузнаваемо искривит любую этническую доминанту и деформирует каждое ментальное пространство.

Если проводятся ретроспективные исследования легальных религиозно-правовых систем, являющихся интегральными частями Воровского Закона, т.е. отношения плоскостей X и Y, то даже при учете A исследователи не входят в плоскость Z, т.е. в референтное пространство Воровского Закона. С точки зрения лингвистических терминов, знаки в плоскостях Y и Z будут рассматриваться как вторичные номинации для знаковой, языковой и речевой репрезентаций плоскости X. Выделение типа такой вторичной номинации производится нами в опоре на парадигму для исследования уголовного дискурса.

Несмотря на сходство кода профессиональной преступной деятельности в русском уголовном дискурсе и кода европейской профессиональной преступности на оси комбинации, в языковой и речевой репрезентациях такого кода будут наблюдаться существенные различия. Эти различия в языковой и речевой репрезентациях обусловлены иным «общим языковым рядом», т.е. использованием иных европейских языков в плоскости Y для создания референтного пространства Воровского Закона.

В отличие от синтагмы, показывающей экстерриториальность идеологического наполнения, точнее интернациональность кода профессиональной преступной деятельности, парадигма (как ось выбора) проявляет локальные черты кода. Ось выбора содержит парадигматические механизмы организации поведения в преступной деятельности и уголовном дискурсе и ценностную информацию, предоставленную на выбор субъекту преступной деятельности. Она имеет четырехуровневый характер.

На первом уровне находится **Нефеш**: «Нефеш — 1. Ум. 2. Душа. 3. Жизнь. 4. Лицо» [8]. В словарной статье словоупотребление «нефеш» может значить слишком многое и одновременно ничего конкретно, смыслы не связываются. На основе представленной модели правомерно отнесение смыслов словоупотреблений с элементом «нефеш» к Пикухам нефеш Устной Торы, т.е. *принципу, согласно которому сохранение людской жизни перекрывает любые другие религиозные мотивы*. Добавим — в первую очередь собственной и может рассматриваться на уровне инстинкта и давать обоснование права на убийство своих в целях самозащиты.

На втором уровне оси выбора находится Воровской Закон как механизм регулирования правоотношений в первую очередь между своими. Этот механизм с точки зрения системной информации кода был нами представлен выше как максимально усложненная ось комбинации. На этом уровне иерархии ценностей в преступной деятельности до 20-х годов XX века мы видим тенденцию взаимного заимствования из польского языка в русский и обратно. Номинация *Воровской Закон* в настоящее время употребляется по отношению к рассматриваемой дискретной антисистеме на русскоязычном пространстве, но сто лет назад самоназыванием было *Закон*, еще раньше — *Золотая Рота*. В поисках формальных связей с точки зрения филологии без вхождения на иные степени приближения мы не увидим системной информации (характеристик связей).

Наши предположения относительно отсутствия словоупотребления *вор* по отношению к адептам исследуемой дискретной антисистемы вплоть до второй половины XIX века подтверждаются взглядами М.А.Грачева и В.М.Мокиенко, которые однозначно указывают на происхождение *воров в законе* от *Иванов* (*Иванов непомящих*) [9]. Исследователи также указывают на то, что «сочетание в законе образовалось от арготизма закон (воровской), — ‘правило, которое должен соблюдать профессиональный преступник’» [10]. Это позволяет нам предположить, что прилагательное *воровской* было добавлено к *Закон* во второй половине двадцатых годов прошлого века, когда словоупотребление *Воровской Закон* было замечено исследователями. В другом авторитетном источнике по вопросу мы встречаем следующее определение: «закон (Д) или (ДА) воровской закон — неписанный, но строго соблюдаемый закон преступного мира, продолжающий вековые традиции» [11]. Ж.Росси принимает условное обозначение (Д) для «специфически уголовное», а (А) как «народное» [12]. Следовательно, (ДА) следует понимать как «специфически уголовное» и «народное». Уже на основе этого мы можем высказать предположение, что первоначальной формой является *Закон*. Это предположение подтверждается словоупотреблением *zakon* в польском уголовном дискурсе, где семантика польского языка проясняет номинацию по отношению к группе людей: *zakon* как религиозное братство. Кроме того, наличие предложной конструкции *вор в законе* свидетельствует в пользу нашего предположения: внутренняя форма *в законе* (как принадлежащий к религиозному братству) проясняется только в польском языке. С другой стороны, внутренняя форма *закон* как сбор правил поведения проясняется только в русском языке.

В польскоязычной литературе по рассматриваемому вопросу наблюдаются скудность и противоречивость источников, т.е. отсутствие конкретики относительно того, в чем Воровской Закон заключается. Например, в словаре К.Стемпняка можно найти словарную статью *zakon* ‘неписанное, но обычно обязывающее право профессиональных преступников’. Принадлежность к Закону ‘принадлежность к обществу профессиональных преступников’. Воровской Закон ‘преступный эпос, преступная среда’ [...] Урочий закон ‘преступная профессия’» [13]. Как видим, в польском уголовном дискурсе *zakon* значит как *сбор норм поведения*, так и *религиозное братство*. Как мы упоминали выше, только на основе польского языка внутренняя форма полностью не проясняется, поскольку в польском литературном языке слово *zakon* не значит *сбор норм поведения*. На наш взгляд, вызвано это взаимным заимствованием в уголовном дискурсе царской России. Позже к интернациональному самоназыванию *Закон* было добавлено прилагательное *Воровской* после изменения государственной формации, т.е. с установлением советской власти.

Выше было упомянуто в ссылке о исследовании М.А.Грачева и В.М.Мокиенко, что прообразами *воров в законе* были *Иваны* (*непомящие*). По отношению к ним в уголовном дискурсе царской России применялся ряд локальных номинаций [14]. Для целей нашего исследования особый интерес представляет общая для их всех номинация *Золотая Рота*.

Ряд источников указывает на то, что при рассмотрении синтагматики можно говорить о русскости, т.е. *золотая* и *рота*, но вот смысл, заложенный во внутренней форме *рота*, и его мотивированность могут иметь происхождение немецкое. Мы рассмотрели в отдельном исследовании [15] отнесение к *красному цвету как символу преступной деятельности в немецком уголовном дискурсе и его датировке на первую половину XVI века*. Об этом в иносказательной форме (учитывая датировку исследования — 1931) упоминал также Б.А.Ларин («откуда и понятно русское босяк» [16]), хотя без реконструкции пропусков в этапах мыслительных процессов исследователя как раз непонятно, как бранный под католического священника бродяга мог бы обманывать доверчивых русских крестьян чтением Апокалипсиса от Иоанна или другой молитвы.

Необходимо упомянуть о польской версии возникновения *Золотой Роты*: «Золотая рота образовалась в половине тридцатых годов (примеч. Е.З. — XIX века). Первыми основателями ее были три польских дворянина» [17]. Интересно словоупотребление числительного у В.В.Крестовского — *первыми основателями*, ведь каждый основатель сам по себе первый. Получается, *были еще другие основатели, и создание Золотой Роты носило циклический и общероссийский характер*. На наш взгляд, могло иметь место заимствование из немецкого языка посредством польского (после включения части Польши в Российскую империю, особенно после освободительных восстаний с последующей ссылкой дворян) самоназывания *Рота* (с отнесением к высшему суду католической церкви *Rota Romana* и, как следствие, праву собирать деньги от преступников за молчание). Позже, как и в случае номинации *Воровской Закон*, к самоназыванию *Рота* было добавлено прилагательное *Золотой* с возможным отнесением к Золотой орде и намеком на право собирать деньги с преступников.

Итак, на втором уровне в иерархии ценностей в преступной деятельности мы можем предполагать заимствование системной информации (прагматики кода) из Польши (или из Германии опосредованно через Польшу) с дальнейшей трансформацией номинаций в речи преступников (и последующей языковой фиксацией исследователями) после ассимиляции заимствования.

На третьем уровне в иерархии ценностей в преступной деятельности находятся т.н. *Понятия*, т.е. интенциалы, имеющие форму слов, на основе которых происходит интеракция в преступной деятельности: *честь — солидарность, амбиция — братство* и т.д. [18]. Употребляемая номинация по отношению к их форме может свидетельствовать о возникновении *Понятий* на русскоязычном пространстве. С другой стороны, употребляемая по отношению к способу их применения (оппозиции) номинация в польском уголовном дискурсе — *Zasady* (т.е. *Принципы* в переводе), может свидетельствовать об обратном: их возникновении на польскоязычном пространстве и позднейшем заимствовании в русский уголовный дискурс. В русскоязычной и польскоязычной литературе этот уровень оси выбора смешивается с Воровским Законом.

На четвертом уровне оси выбора находятся т.н. *Рамки (Рамсы)* и *Воровские Наказы* [19]. Они представляют собой комплексы императивов, имеющих форму предложений. Для *Рамок*, являющихся регуляторами отношений в местах лишения свободы, характерен запретительный характер (хотя некоторые имеют форму побудительную). *Воровские Наказы* имеют побудительный характер (хотя имеется ряд запретительных императивов), они, как комплекс императивов, предназначены для «блатной» молодежи в качестве простых указаний, как себя вести, в основном на свободе. Их невыполнение может быть обосновано высшими уровнями иерархии ценностей в преступной деятельности, *Понятиями* (в случае интеракции *вора в законе* с низшими *мастями*) и *Воровским Законом* в случае конфликтов с равными, т.е. *в Законе*. По отношению к *Воровским Наказам*, учитывая данные выше относительно смены названия для сообщества профессиональных преступников с *Закон* на *Воровский Закон*, мы можем высказать предположение о их позднейшем возникновении на русскоязычном пространстве. Об этом свидетельствует как их отсутствие в польском уголовном дискурсе (имеющем такую же ось комбинации и ось выбора), так и их идеологическое наполнение, например: *не иметь семьи, не брать в руки оружия, не сотрудничать с властью, не заниматься политикой, признавать себя ворами в законе* и т.д.. Это указывает на прагматику смены стереотипов поведения в связи с ужесточением репрессивного характера законодательства в сталинскую эпоху и подтверждает наше предположение. Как и в случае третьего уровня на оси выбора, *Воровские Наказы* и *Рамки* принимаются исследователями за *Воровский Закон*.

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АЙРИС-пресс, 2016. 559 с.
2. Луценко Е.В. АСК-анализ как метод выявления функциональных зависимостей в многомерных зашумленных фрагментированных данных [Электр. ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2005. № 03 (11). URL: <http://ej.kubagro.ru/2005/03/pdf/19.pdf> (дата обращения 04.04.2017).
3. Зубков Е.А. Влияние системы ценностей в преступной деятельности на поведение индивида // Вестник НовГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 83, ч. 1. С. 68-73.
4. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М.: Просвещение 1977. С. 188.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Симпозиум, 2004. 538 с.
6. Эко У. Отсутствующая структура... С. 84.
7. Заика В.И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. С. 311.
8. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. М.: Кампана, 1997. С. 278.
9. Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. М.: Аст-пресс, 2008. 335 с.
10. Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон... С. 78.
11. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. Ч. 1. Изд. 2-е, дополненное. М.: Просвет, 1991. С. 122-123.
12. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу ... Ч. 1. С. 7.
13. Stępnia K. Słownik gwar przestępczych. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mireki (6 r.). С. 453.
14. Тиханов П.Н. Черниговские старцы: Псалки и криптоглоссон [Электр. ресурс]. URL: <https://www.bri-vestnik.ru/tihanov/heritage/starts/> (дата обращения 04.04.2017).
15. Зубков Е.А. Русский уголовный дискурс: реконструкция смыслов с опорой на реконструкцию дискурсных групп. // La Table Ronde — Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Вып. 2. Минск, 2013. С. 248-256.
16. Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского арг. [Электр. ресурс]. Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 113-130. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm> (дата обращения 28.01.2017).
17. Крестовский В.В. Петербургские труппы (книга о сытых и голодных): в 2 т. Т. 1. Л.: Изд. Художественная литература, 1990. С. 101-102.
18. Зубков Е.А. Иносказание в русском уголовном дискурсе. «Масти», «Понятия», «Воровский Закон». Kielce: Uniwersytet Jana Kochanowskiego, 2014. С. 235-248.
19. Зубков Е.А. Иносказание в русском уголовном дискурсе... С. 248-235.

References

1. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera zemli. M.: AYRIS-press, 2016. 559 s.
2. Lutsenko E.V. ASK-analiz kak metod vyavleniya funktsional'nykh zavisimostey v mnogomernykh zashumlennykh fragmentirovannykh dannyykh [Elektr. resurs] // Nauchnyy zhurnal KubGAU. 2005. № 03 (11). URL: <http://ej.kubagro.ru/2005/03/pdf/19.pdf> (data obrashcheniya 04.04.2017).
3. Zubkov E.A. Vliyanie sistemy tsennostey v prestupnoy deyatel'nosti na povedenie individa // Vestnik NovGU. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2014. № 83, ch. 1. С. 68-73.
4. Larin B.A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie: Izbrannye raboty. M.: Prosveshchenie 1977. S. 188.

5. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb: Simpozium, 2004. 538 s.
6. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura... S. 84.
7. Zaika V.I. Ocherki po teorii khudozhestvennoy rechi. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2006. S. 311.
8. Baldaev D.S. Slovar' blatnogo vorovskogo zhargona. Ot A do P. M.: Kampana, 1997. S. 278.
9. Grachev M.A., Mokienko V.M. Russkiy zhargon. Istoriko-etimologicheskii slovar'. M.: Ast-press, 2008. 335 c.
10. Grachev M.A., Mokienko V.M. Russkiy zhargon... S. 78.
11. Rossi Zh. Spravochnik po GULAGu: V 2 ch. Ch. 1. Izd. 2-e, dopolnennoe. M.: Prosvet, 1991. S. 122-123.
12. Rossi Zh. Spravochnik po GULAGu ... Ch. 1. S. 7.
13. Stępnia K. Słownik gwar przestępczych. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mireki (b g.). S. 453.
14. Tikhonov P.N. Chernigovskie startsy: Psalki i kriptoglosson [Elektr. resurs]. URL: <https://www.br-vestnik.ru/tihanov/heritage/startsi/> (data obrashcheniya 04.04.2017).
15. Zubkov E.A. Russkiy ugovolnnyy diskurs: rekonstruktsiya smyslov s oporoy na rekonstruktsiyu diskursnykh grupp. // La Table Ronde — Lingvistika diskursa i perspektivy ee razvitiya v paradigme sovremennoy slavistiki. Vyp. 2. Minsk, 2013. C. 248-256.
16. Larin B.A. Zapadnoevropeyskie elementy russkogo vorovskogo argo. [Elektr. resurs]. Yazyk i literatura. L., 1931. T. 7. S. 113-130. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm> (data obrashcheniya 28.01.2017).
17. Krestovskiy V.V. Peterburgskie trushchoby (kniga o sytykh i golodnykh): v 2 t. T. 1. L.: Izd. Khudozhestvennaya literatura, 1990. S. 101-102.
18. Zubkov E.A. Inoskazanie v russkom ugovolnom diskurse. «Masti», «Ponyatiya», «Vorovskoy Zakon». Kielce: Uniwersytet Jana Kochanowskiego, 2014. S. 235-248.
19. Zubkov E.A. Inoskazanie v russkom ugovolnom diskurse... S. 248-235.

Zubkov E.A. Local peculiarities of the Thieves' Law. Nomination 'Thieves' Law' determines both an order of felons and their religious and law codex. The paper focuses on the local peculiarities of the Thieves' Law as a semiotic system of discursive behaviour. A model for analysis of Russian criminal discourse was proposed on the basis of a synthesis of views by L.N. Gumilev, U. Eco, and O.V. Leszczak. Based on this model, a code of the semiotic system of discursive behaviour as the richest form of experience in criminal activity has been analyzed. This code is expressed in different ways in sign, language, and speech representations in Russian criminal discourse. The ways of such expression in distinct representations were analyzed on the combination axe (syntagma) and the choice axe (paradigm).

Keywords: Thieves' Law, code, syntagma, paradigm, representation.

Сведения об авторе. Е.А.Зубков — кандидат филологических наук, Университет Яна Кохановского в г. Кельце, Польша; yevgen.zubkov@ujk.edu.pl.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.06.2017.